

«УСЛОВИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

В статье дан анализ структуры повседневности, предложенной К.Н. Любутиным и П.Н. Кондрашовым. Обоснована необходимость дополнения данной структуры параметром «условия повседневности». Рассмотрена взаимосвязь данного параметра с параметром «субъект повседневности». Показаны пути работы с данным параметром в рамках исторического исследования.

Ключевые слова: повседневность, условия повседневности, субъект повседневности, исторический анализ.

В последнее время в отечественных исторических исследованиях бурно развивается направление, основанное на осознанном использовании концепции повседневности. Научное исследование начинается с выделения объекта исследования. Он считается выделенным тогда, когда ему присваивается имя-понятие. За каждым именем-понятием стоит не индивидуальный объект, а класс с его существенными характеристиками.

Если обратиться к философской и культурологической отечественной литературе, то в ней наиболее глубоко сущность понятия «повседневность» раскрыта в разработанной концепции повседневности как определенной формы человеческой деятельности, представленной в монографии К.Н. Любутина и П.Н. Кондрашова [1]. Согласно данному подходу, повседневность – это форма непосредственной человеческой деятельности, которая осуществляется в конкретной фактичности событийных ситуаций и представляет собой совокупность повседневного бытия (то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей) и обыденного сознания (то есть того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей). Повседневная деятельность характеризуется рутинной однообразностью трудовых будничных ритмов; типизированностью; привычностью и автоматизированностью действий; относительной статичностью бытийных структур; определенной темпоральной структурой, связанной с временными режимами работы, домашних дел и свободного времени; укорененностью в наличной действительности; отсутствием ярко выраженных эмоциональных переживаний и всплесков; усредненной обезличенностью; само собой разумеющимся пониманием; превращенностью и стерео-

типностью сознания; экономией мышления и экономией действия; наивным реализмом (естественной установкой); практическим единством бытия и сознания; формационной, национально-культурной, классово-стратификационной, конкретно-исторической и биографической обусловленностью своего содержания; историчностью [1, с. 260].

Важно, что в рамках названной концепции предложен цельный вариант структурирования повседневности: а) активный субъект – это конкретный социальный индивид, а не социальная группа; б) объект (объектами деятельности могут выступать материальные предметы, предметы культуры, содержание сознания, другие люди и даже «я сам»); в) потребности (очень важно, что у авторов идет различие понятий «потребность человека» и «предмет этой потребности»; потребностями могут служить организационно выделенные части деятельности); г) цель как результат своей деятельности; д) работа по достижению цели; е) орудия труда, то есть средства, с помощью которых субъект осуществляет свою деятельность; ж) результат, то есть то, что возникает в итоге деятельности [1, с. 78–83]. Это уже позволяет переходить с описательного уровня повседневности на уровень объяснения и понимания этого феномена, другими словами, ставить вопросы о причинах особенностей той или иной повседневности, возможных путях ее эволюции.

При всей цельности данного подхода любая попытка его применения в конкретно-историческом исследовании неизбежно приводит к пониманию, что описанная выше структура повседневности не в полной мере реализует принцип конкретности (историзма), диктующий необходимость обязательного учета места и времени при изучении человеческой деятельности.

В связи с этим считаем необходимым дополнить указанную выше структуру повседневности таким параметром, как «условия повседневности». В общем виде это будет региональная и общероссийская действительность. Однако надо понимать, что это очень расплывчатая характеристика: как только мы начинаем характеризовать региональную действительность, наши исследования приобретают междисциплинарный характер. Мы неизбежно уходим от исторического исследования.

Действительно, характеристика региона, во-первых, включает в себя характеристику его географического положения.

Во-вторых, физико-географическую характеристику региона (естественные физико-географические свойства территории региона). Схема оценки традиционно такая: литогенная основа и подстилающие породы, рельеф местности, почва, климат, гидрология – внутренние воды региона (поверхностные и подземные воды), флора (растительный мир), фауна (животный мир).

В-третьих, социально-экономическую характеристику региона, что предполагает охарактеризовать промышленность региона, его сельское хозяйство (в частности, соотношение растениеводства и животноводства), население (половозрастной, этнический и конфессиональный состав, расселенческая характеристика территории, качество населения – культурно-образовательный уровень, уровень этноконфессиональной толерантности населения, т. е. дать анализ в аспекте отношений «свой» и «чужой», в том числе в бизнесе и т. п.). Необходимо также провести анализ информационного пространства региона и туристско-рекреационной его сферы. Необходим анализ конфессионального образования в рассматриваемом регионе и миссионерско-просветительской деятельности, выявление социальных инноваций в сфере труда и характеристика традиционной трудовой этики этносов, проживающих на анализируемой территории, анализ школьного обучения в межконфессиональном взаимодействии. Необходим анализ этноконфессионального фактора в формировании традиционной свадебной обрядности, становлении предпринимательства разных этносов региона. Чрезвычайно важен анализ ксенофобии и толерантности в этноконфессиональных отношениях русских крестьян.

В-четвертых, экономико-географическое положение территории, т. е. его положение

по отношению к элементам общественного производства, в том числе транспортно-географическое положение, промышленно-географическое положение (по отношению к центрам национального производства, в том числе индустриальным центрам), агрогеографическое положение к основным сельскохозяйственным районам, демографическое положение по отношению к трудовым ресурсам, в том числе квалифицированных кадров.

В-пятых, геополитическое положение региона, т. е. его положение по отношению к очагам нестабильности, горячим точкам, участкам напряженности.

В-шестых, как минимум анализ этноконфессиональной политики Российского государства в рассматриваемом регионе в анализируемый промежуток времени.

Отметим, что устойчивость повседневности зависит от усредненной устойчивости условий повседневности. Их резкое изменение происходит тогда, когда скачкообразно меняются определенные их элементы. Выделение же этих определяющих элементов зависит от того, какой именно субъект повседневности рассматривает исследователь. Другими словами, для разных субъектов повседневности определяющими являются разные элементы условий ее протекания.

В исторических исследованиях является практически повсеместным присутствие разделов, касающихся исторической специфики того времени и места, о котором в том или ином случае идет речь. Региональная структура России может видеться по-разному в зависимости от задач научного анализа. В связи с этим важно обоснованно подойти к выделению территориальных рамок исследования. Наиболее распространенное историко-географическое деление страны (на Урал, Поволжье, Северо-Запад и проч.) может быть использовано далеко не всегда, поскольку абстрагируется от многих существенных параметров. Так, например, если ставится задача изучить повседневную жизнь земских деятелей, то говорить о земствах Уральского региона означает объединять в единых рамках как классические Вятское и Пермское земства, созданные уже в шестидесятых годах XIX века (1867–1870 гг.), Уфимское земство, учрежденное в ходе следующей крупной «волны» территориального расширения земской реформы (1875 г.), так и Оренбургское земство, которое в силу социокультурных особенностей территории стало дей-

ствовать только в 1913 г. Более обоснованным является выделение земских регионов в соответствии с сущностной структурой империи как сложного и неоднородного в культурном плане пространства. Империя, по мнению современных специалистов, включала в себя т. н. «ядро», окраины и промежуточную территорию – «внутреннюю периферию» [2, с. 484]. Миссия империи заключалась в перераспределении регионов внутри этой системы, в подтягивании окраин до статуса внутренней периферии, а последней – до внутренних стандартов империи. Именно в соответствии с этой логикой и судебная, и городская, и земская реформы распространялись на территории государства не повсеместно, а «волнами», в зависимости от готовности губерний соответствовать предлагаемым стандартам. Последней группой губерний, получивших земское самоуправление только в 1913 г., явились Астраханская, Оренбургская и Ставропольская. Эта совокупность территорий в управленческом плане может рассматриваться как единый регион, именуемый условно «Юго-Востоком России». Изучение земской повседневности будет корректным именно в таких рамках.

Продолжая рассмотрение данного примера, стоит отметить, что очерченный регион отличался комплексом специфических черт, основными среди которых были: особое географическое положение (квазиокраинность, непосредственное соседство с окраинами империи – Кавказом, казахскими землями и Средней Азией); обширная площадь (каждая из трех губерний региона занимала одно из первых мест среди «земских» губерний России по этому показателю); невысокая плотность населения (в сельской местности на 1 кв. версту приходилось от 6,6 до 27,4 человек); «недворянский» характер землевладения (0,6–0,9 дворян на тысячу жителей региона против 15:1000 в империи в целом); поликонфессиональность и многонациональность, а также наличие обособленных социокультурных групп (казачества).

Важно подчеркнуть, что выделение региональной составляющей условий повседневности зависит от того, что (кто) в данном исследовании понимается под субъектом повседневности, причем понимание субъекта повседневности является первичным по отношению к выделению региональной структуры. Действительно, в один и тот же исторический период в одном и том же регионе можно выделять множество субъектов повседневности по самым разным параметрам. Так, обоснованным будет отдельное

рассмотрение повседневности жителей сел, малых городов, крупных городов, то есть – по принципу дифференциации населенных пунктов, особенности каждого из которых однозначно накладывали свой особый отпечаток на повседневную жизнь жителей. Можно говорить о повседневной жизни представителей различных сословных групп (дворян, крестьян, мещан и др.). Можно говорить о повседневности по национальному признаку (например, рассматривать повседневность украинских, казачьих, чувашских, казахских, татарских и других населенных пунктов). Можно выделять типы повседневности по конфессиональной принадлежности населения (старообрядцы, православные, мусульмане и проч.). Эти примеры можно продолжить (половая, возрастная, семейная дифференциации и т. п.).

Как легко можно увидеть, выделение субъекта повседневности возможно по самым разным основаниям, в результате чего классификации, конечно, будут накладываться друг на друга, пересекаться, находиться в дополнительном отношении друг к другу. Все это создает сложную мозаичную структуру субъектов повседневности любого региона. Однако нельзя объять необъятное. Человек – настолько многообразное существо, что изучение всех его ипостасей в рамках одного исследования является при существующем уровне развития науки фикцией, которая только лишь будет способствовать поверхностности анализа. Начиная конкретно-историческое исследование повседневности, автору следует четко определиться, какого именно субъекта он изучает, какая классификация лежит в основе выделения субъекта. И дальнейший анализ должен быть жестко привязан к этому выбору. Например, если речь идет о выделении субъекта по профессиональному признаку (например, торговец), то основное внимание необходимо обратить на те условия повседневности, которые определяют его повседневную жизнь именно как торговца, а не как жителя села, семьянина, мусульманина, буддиста и проч. Эти параметры остаются на периферии внимания. В случае же изучения повседневной жизни сельского жителя, напротив, вперед должны выйти условия повседневности, связанные с состоянием места его проживания, а не с его профессиональной деятельностью. Естественно, мы понимаем, что все условия взаимосвязаны, но также нужно понимать, что достижение необходимой глубины анализа требует ранжирования условий повседневности в зависимости от принципа выделения субъекта. Потом уже, после проведения таких ис-

следований (причем по единому алгоритму), возникнет возможность синтезировать их результаты и добиться более комплексного взгляда на повседневную жизнь представителя того или иного региона, понять, какие же условия повседневности (профессиональные, религиозные, возрастные и проч.) оказывали в тот или иной период наиболее существенное влияние на жизнь человека, а какие выступали только дополнением. Но переключиться сразу на решение этой задачи было бы научно некорректно.

Итак, следует выделять кластеры однотипных субъектов повседневности, а в них выделять «ядра» и «периферию», выделять и характеризовать «контактные зоны» каждого субъекта повседневности. Возможно, историку следует обратить особое внимание на анализ особенностей именно контактных зон субъектов повседневности, ибо они позволяют предсказывать возможную эволюцию того или иного типа повседневности, что исключительно важно для понимания особенностей исторического процесса в регионах.

Каждый субъект повседневности – это открытая система (лишь в ядрах кластеров определенных типов повседневности можно, и то с оговоркой, рассматривать определенный субъект повседневности в качестве автономной замкнутой системы). Это означает, что он обменивается «веществом, энергией и информацией» с окружающим

миром. Этот обмен может затухать, стремясь к нулю. В этом случае происходит консервация особенностей повседневности определенного субъекта. Он может и неограниченно нарастать, стремясь к бесконечности. В этом случае полностью разрушается и исчезает специфика повседневности определенного субъекта повседневности. Если не брать крайние случаи, то, как правило, взаимодействие субъектов повседневности с окружающим миром предполагает, что постепенные количественные изменения приводят к качественным скачкам.

Собственно, именно открытость субъекта повседневности и приводит к необходимости введения понятия «условия протекания повседневности того или иного ее субъекта» («условия повседневности»). Это все то, что влияет на повседневность субъекта, разрушает или укрепляет его устойчивость.

Таким образом, разработанную на настоящий момент структуру повседневности целесообразно дополнить параметром «условия повседневности», под которым следует понимать не эфемерную и расплывчатую «общероссийскую и региональную действительность», а совершенно конкретный набор показателей, каждый из которых должен быть ориентирован на конкретный субъект повседневности, анализируемый в том или ином конкретно-историческом исследовании.

27.01.2012

Список литературы:

1. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. – Екатеринбург: РФО, 2007. – 295 с.
2. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург-Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. – 496 с.

Сведения об авторах:

Любичанковский Валентин Андреевич, доцент кафедры культурологии
Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент,
e-mail: av-lubichan@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, профессор кафедры истории России
Оренбургского государственного педагогического университета, доктор исторических наук
460844, г. Оренбург, ул. Советская, 19, тел. (3532) 772452; 333135, e-mail: svlubich@yandex.ru

UDC 303.01

Lyubichankovskiy S.V., Lyubichankovskiy V.A.

Orenburg state pedagogical university, Orenburg state university, e-mail: svlubich@yandex.ru

«DAILY OCCURRENCE CONDITIONS» AS THE BASE ELEMENT OF THE EVERYDAY LIFE' HISTORICAL ANALYSIS

In article the analysis of the daily occurrence' structure offered by K.N. Lyubutin and P.N. Kondrashov is given. Necessity of addition of the given structure in parameter «daily occurrence condition» is proved. The interrelation of the given parameter with parameter «the subject of daily occurrence» is considered. Ways of work with the given parameter within the limits of historical research are shown.

Key words: daily occurrence, daily occurrence conditions, the subject of daily occurrence, the historical analysis.